

ГЕННАДИЙ ЮРОВ

ПУШКИН В КЕМЕРОВЕ

Необходимое пояснение

Этот очерк написан весной 1999 года для книги «Площадь Пушкина», которую мы с художником Василием Кравчуком задумали как подарок горожанам и пособие школьникам. Очерк остался невостребованным — я слишком долго и кропотливо собирал материал. И припоздал. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (6 июня 1999 года) мои собратья по перу осуществили другой проект. Я не могу согласиться с тем, что они издали. В частности, с предисловием, утверждающим, что руководители города и области при советской власти все время пытались убрать памятник Пушкину с площади его имени. («Убрать памятник не получилось, тогда оставили его разрушаться».)

Предлагаю альтернативное мнение — документальное повествование о том, как они (советские руководители) памятник Пушкину добывали в столице, везли в Кемерово и устанавливали в лучшем месте города, как выстраивали возле него духовную жизнь областного центра.

*Сместилось положение светил,
Наплошали заветной
Круг замкнулся.
И огонек смятенья — «Я вернулся» —
Восходит к пушкинскому —
«Вновь посетил».*

1. ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ

Там, где улица Весенняя выходит к реке Томи, на самом верхнем этаже дома, что справа от обелиска воинам-кузбассовцам, расположились мастерские кемеровских художников. Однажды я был свидетелем такой сиены: признанные наши графики Владимир Сотников и Василий Кравчук, остановившись перед чистым холстом, натянутым в свежеструганной рамке, рассуждают о том, как боязно и непросто сделать первый штрих, провести первую линию. Казалось бы, сюжет продуман и выстрадан, мотив уловлен, тон угадан! А вот, перехватило дыхание и нет решимости.

Наконец, Сотников хватает уголек и легким точным движением руки в левом нижнем углу холста наносит нужный ему штрих. И сразу становится довольным и деловитым.

— Получилось, — говорит он. Его голубоглазое лицо, окаймленное седой бородкой, светится предвкушением работы. И наше присутствие, кажется, ему не мешает.

Что ж, спасибо, Володя! Я тоже поведу повествование от этой твоей линии, тем более, что оно еще не раз вернет нас в эту мастерскую над Томью-рекой. А сейчас прямо туда — на площадь Пушкина!

На фоне лиры гусиное перо пересеклось с веткой лавра. Вот и все, пожалуй, скромное украшение пьедестала памятника. На трехступенчатом подъеме к пьедесталу кто-то положил живые цветы.

• Фигура поэта, отлитая в бронзе, как говорится — в натуре, и поднятая довольно высоко пьедесталом, смотрится вполне монументально среди трех-, четырехэтажных зданий, обступивших площадь. Небоскребов здесь нет, могучие тополя окрест вырублены и заменены низкорослыми деревьями. Вся площадь уютна и лирична, напрямую связана с Притомской набережной, которая резной чугунной оградой и доступностью речного простора напоминает Набережную Невы.

Кемеровский Пушкин замер в полушаге, правая рука слегка протянута вперед, к нам, левая со шляпой отведена за спину. Голова поэта приподнята и обнажена. Лицом — к долине Томи, которую, правда, заслонило здание института «Гипрошахт».

Если мимо «Гипрошахта» выйти на Притомскую набережную, через реку откроется взгляду темная громада соснового бора, которую подпирают угловатые скалы крутого правого берега. А западнее коммунального моста через Томь (сейчас строится новый — рядом) вы увидите ту самую Красную Горку, где рудознатец Михайло Волков нашел каменный уголь в 1721 году, положив начало Кузнецкому угольному бассейну, и где в 1920-х годах автономная индустриальная колония «Кузбасс» способствовала становлению молодого города, участвуя в строительстве Кемеровского рудника на правом берегу, коксохимического завода — на левом и канатной дороги с вагонетками между ними. Отсюда, с набережной, видны крыши домика Рутгерса, руководителя колонии (ныне

музей «Красная Горка») и других домов. В том числе бревенчатого двухэтажного, построенного американскими рабочими, где я родился и вырос. В целом — там исторический центр города, его начало.

Если пойти от памятника по аллее, она через пару минут выведет вас в административный центр города — прямо на площадь Советов — к зданиям областной администрации, ФСБ, Дома угля, Главпочтамта, мэрии, Областного совета и Главкузбасстроя. Вот на такой исторический меридиан попал кемеровский Пушкин во времени и в пространстве.

А знаете ли вы, какой мотив пушкинского творчества, какую конкретно поэтическую строку выразил известный советский скульптор Матвей Генрихович Манизер, автор памятника, в своем творении?

— Конечно, — скажете вы, — знаем, эту строку можно прочесть. Она выбита на пьедестале справа и звучит так: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал». Из знаменитого стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Согласен, и эти строки годятся. И эти строки занимали воображение скульптора, но их он воплотил в другой фигуре великого поэта. А наш кемеровский Пушкин выражает вот какой мотив — «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» На этот счет есть свидетельство самого Матвея Манизера, которое я отыскал в областной библиотеке:

«К 125-летию юбилею Государственного академического Малого театра, осенью 1949 года, его дирекция решила установить в нишах главного фойе, вновь отделанного, как и весь театр, после Великой Отечественной войны архитектором А. П. Великановым, четыре бюста великих

русских писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Грибоедова. Бюсты не компоновались в высоких, предназначенных для фигур нишах. Я предложил установить вместо бюстов фигуры.

Пробная установка исполненной раньше фигуры Пушкина вполне оправдала мое предположение. Фигуры Гоголя, Грибоедова и Лермонтова были сделаны вновь. Я поставил перед собой задачу: решить каждую из этих фигур так, чтобы впоследствии они могли лечь в основу композиции будущих монументов. Считаю, что фигуры Пушкина и Гоголя для этого уже пригодны, над образами Грибоедова и, особенно, Лермонтова, я надеюсь еще поработать в будущем».

Заметим, что скульптор о своей работе писал в 1952 году, а прожил до 1966 года, так что у него был значительный период для исполнения замыслов. Однако вернемся к его исповедальному тексту:

«...Работая над Пушкиным, я сделал свыше десяти вариантов фигуры, причем каждый из них был как бы подсказан тем или иным стихом Пушкина. Были тут: «Брожу ли я...», «И пальцы тянутся к перу», «Люблю тебя, Петра творенье...», «Я памятник себе воздвиг...», «Здравствуй, племя младое, незнакомое...» и т. д. Из них наиболее отвечающим по содержанию современности был последний, и дальнейшую разработку его я и осуществил».

Я отыскал в альбомах фотографию этой работы скульптора и убедился: в фойе Государственного академического Малого театра в Москве, в высокой нише, стоит наш кемеровский Пушкин. Только в гипсе. А в бронзе он сделан несколько ранее (рабочая модель) и доставлен в Кемерово

в 1953 году. Открытие памятника состоялось 6 ноября 1954 года. Ниже я расскажу об этом событии подробно.

Итак/«Здравствуй, племя, младое, незнакомое!» Эту строку выражает памятник поэту, установленный в Кемерове на площади Пушкина. Стихотворение, в котором она прозвучала, одно из поздних, самых пронзительных, пушкинских творений. Начинается оно так: «...Вновь я посетил тот уголок земли, где я провел изгнанником два года незаметных». Написано стихотворение 26 сентября 1835 года в Михайловском, где поэт жил весь сентябрь и половину октября. При жизни Пушкина не печаталось.

Есть здесь грустные строки о няне: «Вот опальный домик, где жил я с бедной нянейю моей. Уже старушки нет — уж за стеною не слышу я шагов ее тяжелых, ни кропотливого ее дозора».

Днем раньше, 25 сентября 1835 года поэт писал в письме жене Наталье Николаевне:

«В Михайловском нашел я все по старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне, да и ты, мой кормилец, состарился, да и по-дурнел. Хотя могу я сказать вместе с по-

койнои няней моей: хорош никогда не был, а молод был...»

Так что Пушкин достался нам на площадь его имени немолодым и пребывающим в некоей печали, которую он, впрочем, в заключительной части стихотворения преодолевает. Как объемны и значительны эти строки! Сколько в них силы и жизненной мудрости!

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое. Не я

Увижу твой могучий

поздний возраст,

Котла перерастешь моих знакомцев

И старую главу их заслонишь

От глаз прохожего.

Но пусть мой внук

Услышит ваш приветный шум, когда,

С приятельской веселы

возвращаясь,

Веселых и приятных мыслей полон,

Пройлет он мимо вас во мраке ночи

И обо мне вспомянет.

Я напомню, что-лицо поэта обращено к реке Томи, на противоположном берегу которой — громада соснового бора. Она устремляется вправо, вверх по течению реки, переходя в Красновский сосновый бор, а там, дальше, в Журавлевский. И на Красной Горке, возле памятного родника в распадке, поднялись молодые хвойные посадки, стали лесом. И пляжный остров напротив Притомской набережной зарос могучими деревьями. И сама набережная сменила первое мужественное поколение тополей на более легкие декоративные породы, которые лишь подрастают, формируя облик обновленного города.

И рука поэта протянута к ребятишкам, которые здесь пробегают в школу, что слева, и в городскую детскую библиотеку. И к тем ребятишкам, которых приводит сюда из-за Искитимки известный в городе учитель и краевед Леонид Иосифович Соловьев, он все экскурсии по городу начинает именно с площади Пушкина. И к тем ребятишкам, которых привозит сюда из Ижморки преподаватель литературы и поэт Михаил Шеховиов. И к тем воспитанникам юргинского интерната, которых привозит сюда педагог и поэтесса Тамара Рубцова.

, «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» По сути это обращение никогда не состарится.

2. КОВАРНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Художник Василий Кравчук организовал выставку своих графических рисунков, посвященных городу Кемерово. Выставка открылась в июне 1997 года при губернаторе Кислюке, который на открытие не пришел, но послал приветственную телеграмму. Закрывалась выставка при губернаторе Тулееве, в июле, и новый губернатор выставку посетил лично.

Заметим, что серию своих гравюр, посвященных облику города и его истории, Василий Кравчук начал разрабатывать еще при советской власти, оформив десятки книг писателей и поэтов, краеведов и ученых, специалистов и политиков. Смена режимов как-то не коснулась процесса постижения художником характера города. Может быть, именно в таком творчестве осуществляется связь времен, высветивается та линия жизни, которая при

любых общественных потрясениях не даст пропасть человеку, городу, стране.

Есть среди рисунков Кравчука и памятник Пушкину. Зафиксированная с нижней точки фигура поэта вырастает в просвете сначала между деревьями аллеи, а потом и между домами улицы, ведущей на главную площадь. Вырастает так, что вполне соответствует поэтическим строкам: «Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа».

В рисунке высвечена монументальность памятника, которой так не хватало иным краеведам в начале семидесятых и в начале восьмидесятых. Они говорили, что памятник слишком мал для площади, что его следует увеличить в два-три раза — поставить копию, а оригинал передать в интерьер театра или какой-нибудь школы. Были на эту тему переговоры городского руководства с мастерской монументального искусства в Ленинграде. Тогда наследники М. Г. Манизера решительно воспротивились перестановке памятника, а без их согласия этого делать нельзя. Было более опасное намерение, чтобы копию сделали кемеровские скульпторы. Почему более опасное? Вот как рассуждает на эту тему сам Матвей Генрихович Манизер:

«Нельзя требовать от каждого скульптора создания монументального произведения. С чувством монументальности следует родиться, как с той или иной степенью развития зрения, слуха, голоса, юмористических способностей и т. д. Таким образом, чувство монументальности у художника, — если не высшая, то особая категория человеческих способностей, не обязательная для каждого, даже очень хо-

рошего скульптора, но необходимая для того, кто берется за исполнение памятника.

Чувство монументального, величественного — волнующее чувство. Оно вызывается и глубиной содержания произведения, и совершенством формы, в которую это содержание облечено. Его испытываешь перед шедеврами вроде «Медного всадника», «Минина и Пожарского» и др. Пока в проекте памятника скульптор не почувствует наличия этой монументальности, хотя бы выраженной намеком, до тех пор проекта памятника еще нет. Момент проявления монументальности в проекте всегда остро запоминается. Иногда она может быть замечена в каком-то одном повороте или ракурсе и уже потом ложится в основу дальнейшей работы; иногда она ощущается сразу при рассмотрении проекта памятника со всех сторон, и тогда проект можно считать в основном решенным».

Так что в повороте головы, в жесте руки, в энергии застывшего движения следует искать монументальность памятника, а вовсе не в размерах. В этом убеждаешься, пожив, хотя бы недолго, в Санкт-Петербурге, познакомившись с его скульптурой и лиричной, и величественной. Особенно доверительна парковая скульптура Летнего сада, которую на зиму укрывают в деревянные короба с опилками. Для сохранности и чтобы не мерзла.

Наш Пушкин на площади одет вполне по-зимнему, и это очень хорошо для здешних климатических условий. Однажды я привел к памятнику известного скульптора и монументалиста Рудольфа Корягина, и мы рассуждали о том, что это великолепное произведение искусства, надежно

прописавшееся в нашем городе, не подлежит пересмотру. Оно само формирует среду своего обитания. Вот вырубил карачок вокруг, надо искать другие, более подходящие породы. Корягин показывает на деревянные скамейки и говорит, что здесь надо поставить другие, металлические, стилизованные под пушкинскую эпоху. Меньшие по размеру, но годные, чтобы на них садиться. И фонари должны быть невысокие, с большими плафонами. И цветники должны обрести более историческое обрамление. Так диктует памятник. Аля всей площади. Аля всей аллеи. Памятник как бы охраняет заповедность площади, оберегает улицу Островского от интенсивности автомобильного движения. Здесь нет коммерческих вывесок на иностранном языке. Какие уютные здесь названия магазинов: «Петрович», «Мелодия», «Притомский», «Винная лавка». Здесь русский дух, здесь Русью пахнет.

История установления памятника настолько обросла мифами и легендами, что я хочу в начале дать точную хронологию событий, основанную на документах областного архива, областной научной библиотеки имени Василия Федорова и областного краеведческого музея.

Вот архивный документ — решение № 545 Исполнительного комитета Кемеровского облсовета от 25 мая 1949 года: «1. Принять предложение областной комиссии по проведению 150-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина о присвоении площади у Притомского участка в г. Кемерово имени А. С. Пушкина. 2. Установить в 1950 году на Пушкинской площади памятник А. С. Пушкину. 3. Произ-

вести закладку памятника А. С. Пушкину 6 июня текущего года».

Итак, 6 июня 1949 года площадь обрела имя и на ней был заложен памятник великому поэту. Заметим, что в том же году, с февраля, начал выходить альманах «Огни Кузбасса» (несколько первых номеров имели название «Сталинский Кузбасс»). Вокруг нового издания объединились литературные дарования. В первом же номере был опубликован роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая». Совпадение этих дат символично. В 1999 году мы отмечали не только 200-летие со дня рождения Пушкина, не только 50-летие существования площади Пушкина в Кемерове, но и 50-летие альманаха «Огни Кузбасса».

Установить памятник в 1950 году, как намеревались, не удалось. Поиск подходящего произведения искусства и достойного мастера продолжался несколько лет. Остановили свой выбор на скульптуре Матвея Генриховича Манизера. Вот решение исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся от 26 марта 1953 года: «Утвердить представленную Кемеровским горкомхозом смету и проект на строительство памятника Пушкину в сумме 374395 рублей».

Из сметы явствует, что памятник отгружался в 1953 году со станции Москва-Сортировочная, что его сопровождали столичные специалисты и рабочие, которым выплачивались командировочные.

Открытие памятника состоялось 6 ноября 1954 года, о чем сообщалось тогда же в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса» с указанием авторства М. Г. Манизера. Есть фотоснимки этого события в музее.

На них ясно видно, что событие происходило на фоне лозунга: «Да здравствует 37-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции». Так что сомнений в дате быть не может. Слева на памятнике недавно появилась металлическая табличка «Открыт в 1964 году». Пусть это вас не смущает. Просто хулиганы выломали фрагмент постамента, и мастер, который ставил заплатку, ошибся на десять лет. (Сейчас «заплатка» заменена на другую.)

Почему я говорю об этом так подробно и так документально? Потому что продолжают публикации, вносящие путаницу в историю памятника Пушкину на площади его имени. Вот «Комсомольская правда» от 4 марта 1999 года. На страничке, посвященной Кузбассу, броский заголовок, вполне сенсационно звучащий: «Кемеровский Пушкин пролежал на складе 13 лет». Подзаголовок такой: «А тот факт, что его автор — талантливый скульптор Матвей Манизер, стал известен лишь много лет спустя после установки памятника...» — здесь фраза немотивированно обрывается, что тоже ошеломляет.

Умиляет сам стиль повествования: «На волне патриотизма в честь 150-летия рождения поэта областные власти пообещали установить памятник. Пообещали и, как всегда, забыли».

Ну, почему же забыли? Газета сама себя опровергает буквально через абзац: «Наконец, 6 ноября 1954 года памятник был установлен. Народ ликовал».

Дорогие коллеги из «Комсомольской правды»! Пишите о нас проще. И у вас получится, что «на волне патриотизма» в 50-х годах народ учился, трудился, строил

и радовался построенному. Давайте хотя бы проследим, как выросло древо городской культуры по его годовым кольцам....

В 1950 году, 1 февраля, вышел первый номер областной газеты «Комсомолец Кузбасса». В октябре открыт горный институт. 1952 год — открыт первый в стране передвижной планетарий и построен коммунальный мост через Томь. 1954 год — наряду с памятником Пушкину открыт педагогический институт. 1955 год — начала работать областная филармония. 1956 год — открыт медицинский институт. 1957 год — создано Кемеровское отделение Союза художников РСФСР. В этом же году, 10 сентября, общественность города отметила 50-летие со дня основания Кемеровского рудника. На Красной Горке установлен обелиск в честь первооткрывателя кузнецкого угля Михаила Волкова.

В 1958 году показала первую программу студия телевидения и создана областная организация Союза журналистов СССР. В 1960 году построено здание областного драматического театра. В 1962 году организовано Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР и открыт театр кукол. В 1963 году построены кинотеатр «Космос» и здание областной библиотеки. Ну, и так далее...

Если на «волне патриотизма» в те чистые годы «народ ликовал», как пишет про нас нынешняя «Комсомольская правда», то давайте отметим, что на волне демократизма последних десяти лет «народ безмолвствует», как определил Александр Сергеевич для аналогичной ситуации в истории нашего Отечества.

Что касается мифов и легенд, сопутствующих истории памятника, то их в значительной мере породил сам Иван Алексеевич Балибалов, старейший краевед и литератор Кузбасса, автор много раз переиздававшейся книги «Кемерово». Он, конечно же, изучил архивные материалы, к которым имел доступ в Кемерово, Новосибирске, Томске и других городах. Но он пользовался и таким источником информации, как устная беседа, как переписка. Он опросил сотни и тысячи ветеранов-кемеровчан об узловых моментах истории города. Он проверял каждую написанную страничку, читая ее по телефону знакомым и друзьям. Если кто-нибудь высказывал альтернативную версию, Иван Алексеевич сразу за нее хватался и исследовал до выяснения истины, открывал для себя и для других много нового, ранее неизвестного.

Кто-то высказал сомнение в авторстве Манизера. И Балибалов стал проверять. Узнал все про скульптора Аникушина. Узнал все про скульптора Опекушина. В краеведческом музее вспоминают, как он, попыхивая трубкой (Балибалов перед тем, как совсем бросить курить, перешел на трубку), рассказывал:

— Аникушин к нам приезжал. Я с ним разговаривал. Он отказывается от нашего памятника.

В конце концов, Иван Алексеевич в летописи города, упоминая открытие памятника Пушкину, твердой рукой написал: «скульптор М. Г. Манизер». А имена Аникушина и Опекушина по-прежнему гуляют по кабинетам редакций и культурных учреждений как вполне даже возможные.

Пролистав всю книгу «Кемерово. Вчера, сегодня, завтра», издания 1982 года, я ужаснулся: в тексте нет ничего о площади Пушкина и об истории установления памятника. Вспомнил, что мой старший друг не был уверен в отдельных фактах и потому воздержался от поспешных страниц. «Вот, мол, все до конца выясню, тогда и напишу». Я только сейчас понял все коварство балибаловского посвящения на подаренном мне экземпляре книги. Причем Иван Алексеевич снизошел до стихотворного текста: «Я город грунтовал полсотни лет, ты продолжай — пиши портрет».

Ну что ж, продолжать так продолжать. Я стал действовать так же, как Балибалов, позвонил старым друзьям и знакомым. Журналист Валентин Михайлович Малых, тоже из той, старой гвардии, сообщил мне версию, что памятник многие годы пролежал в горзеленстрое, присыпанный прошлогодними листьями, пока его не обнаружили. Эту версию подтвердил старейший работник культуры Кузбасса, преподаватель института культуры Стас Андреевич Сбитнев. В разговоре с ним мы и родили предположение, что в дни блокады Ленинграда группа эвакуированных в Кемерово представителей творческой интеллигенции вывезла с собой этот памятник.

Это предположение я проверял потом на председателе Совета ветеранов Георгии Васильевиче Корницком, на художниках Сотникове, Нестерове, Селиванове, на бывших руководителях города Вячеславе Михайловиче Галкине и Вениамине Михайловиче Чурпите и на других людях. Они не поддерживали его, но и не опровергали. Видимо, от них корреспондент «Комсомольской правды» версию услышал, вер-

сия ему показалась увлекательной, и он стал подгребать под нее архивные данные и другие факты, совершая над ними явное насилие.

Для меня же все разъяснилось в разговоре с Петром Михайловичем Дорофеевым, который многие годы, в том числе и перестроечные, был секретарем Кемеровского обкома КПСС по идеологии, а в конце шестидесятых — секретарем по идеологии в Новокузнецком горкоме партии. Оказывается, история с горзеленстроем вполне правдива. Только произошла она не с кемеровским Пушкиным, а с новокузнецким Маяковским. Автору знаменитого стихотворения «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» решили воздать должное. Площадь имени В. В. Маяковского зародилась в 1955-1956 годах, а монумент — памятник великому советскому поэту установлен 1 ноября 1967 года. Автор памятника известный ленинградский скульптор Борис Пленкин. Вовремя заказанный и вовремя доставленный памятник Маяковскому, действительно, пролежал несколько лет в ящике на территории зелентреста, прикрытый... прошлогодней листвой.

Кемеровский Пушкин не мог пролежать на складе 13 лет по той простой причине, что в 1941 году (начало Ленинградской блокады) его не было в природе. Свою скульптурную пушкиниану М. Г. Манизер создал в послевоенные годы.

3. ОСТАНОВЛЕННОЕ МГНОВЕНИЕ

Не скрою ощущения, что Пушкин для меня всегда стоял на этом месте. Он присутствует в воспоминаниях о школьных годах, как раз в 1954 году и закончившихся. Скажем, еще до пуска коммунального

моста через Томь я по зимнему льду с правого берега каждый вечер бегал в городской сад, где работал каток, давали напрокат хоккейные коньки с ботинками, гремела музыка, пели Бунчиков и Нечаев, Георг Отс и Клавдия Шульженко. И было наслаждением влиться в этот многоголовый поток, кружащийся возле фонтана в центре, выплескивающийся на первый ряд аллеи, на второй, на третий, все они были покрыты льдом. Случалось провожать домой девчонок, с которыми знакомился на катке, путь порой ложился через площадь, и Пушкин, как мне кажется, там был. Всегда был. Просто не помню его отсутствия.

Будучи семиклассником, я впервые посетил театр оперетты, который тогда назывался театром музкомедии и давал спектакли в клубе коксохимзавода, совсем рядом с площадью Пушкина. Шла «Летучая мышь» Штрауса. С Александром Константиновичем Бобровым. Народным он тогда еще не был, но любимым был. Я посмотрел все спектакли с его участием. Помнятся также Адрианов, Малясова, Косевич, Анашкин... И каждый раз, возвращаясь на правый берег, я проходил через площадь. Пушкин был на своем законном месте. А как же иначе?

Девятиклассником я посещал занятия аэроклуба. Курсанты, жившие в Рудничном районе, собирались в условленном месте, за нами приходила бортовая машина и доставляла на занятия. Как раз в это время в аэроклубе учился Владимир Мартемьянов, будущий чемпион мира по высшему пилотажу, будущий герой моих очерков и поэм.

Десятиклассником я переписал свои стихи как можно аккуратнее и поехал в

редакцию газеты «Кузбасс». Тогда через мост уже пустили трамвай. Мне повезло. Меня принял тогдашний король кемеровских поэтов Алексей Косарь. Он прочитал и долго смотрел на меня, строгий, но справедливый:

— Чего же ты, мальчик, от меня ждешь?

Я ждал, что он сдаст мои стихи в печать и они уже завтра появятся в газете хотя бы для того, чтобы ошеломить одноклассников. Однако спросил другое:

— Как вы считаете, меня примут в литинститут?

— Ну, а что? Вполне могут принять, — ответил Косарь и попрощался.

Через полгода я сразил этими стихами приемную комиссию Томского университета. Мне даже дали место в общежитии.

Полагаю, что в этой истории Александр Сергеевич и площадь его имени сыграли свою роль...

А вот еще про любовь. В доме, где аптека, на четвертом этаже есть два окна, выходящие прямо на площадь. Там жила Джемма. И сама она была под стать своему имени. Черноволосая, звонкая, стройная. Училась в 41-й школе. Ее мать была, напротив, блондинка и работала билетером в клубе коксохимзавода, куда я ходил на спектакли театра.

Ажемма спускалась ко мне в условленное время, и мы шли мимо Александра Сергеевича, который смотрел на нас сочувственно, на Притомскую набережную или в горсад, а когда наступали сумерки, занимали скамейку в скверике напротив нынешнего здания 1-й школы. Тогда в этом здании располагался обком партии, и милиционер, который его охранял по ночам, охранял заодно и нас. Мы ему нравились,

он выходил к нам поболтать. Иногда предупреждал:

— Будете так громко смеяться, прогоню.

Часа в два-три ночи я возвращал Джемму матери в дом, где аптека, и через площадь, через набережную, через Томь шел домой, на Красную Горку. И Пушкин в те времена был на своем месте. Хотя все это происходило до установления памятника поэту.

Откуда же это ощущение? Кемеровский поэт Сергей Донбай, вся жизнь которого тоже связана с площадью Пушкина, недавно объяснил мне, в чем тут дело. А дело в том, что до памятника на этом месте был бюст Пушкина. На специальном пьедестале. Потом Донбай встречал этот бюст в хранилищах горсада. Он спросил меня весьма ревниво:

— А где же Джемма теперь?

Я ответил строфой из поэмы:

*И откинув со лба
темнорусыепряди,
С нелоступной улыбкой,
что так меня жгла,
Моя смуглая девушка
в белом наряде
Танцевальными залами замуж ушла.*

— То-то же, — сказал Донбай удовлетворенно.

Я понимаю его невольную ревность. На доме, где аптека и где жила Джемма, есть теперь мемориальная доска: «Это здание построил в 1950—1954 годах один из первых кемеровских архитекторов Лаврентий Иванович Донбай». Это отец Сергея. Сам Сергей тоже работал архитектором, участвовал в создании орнамента

чугунной ограды вдоль Притомской набережной, где мы с Джеммой гуляли. Жил Донбай на площади Пушкина и не пропустил ни одного Пушкинского праздника возле памятника.

И сейчас на площади Пушкина проживает известный в Сибири поэт и прозаик Валентин Махалов. Аля нашего повествования он интересен не столько книгами стихов и прозы, вышедшими за сорок с лишним лет литературной работы, сколько небольшим песенным текстом, созданным в начале шестидесятых. Это песня «Мой город», простая, незамысловатая, всегда мне нравившаяся.

*Нал Томью плывут
Соловьиные зори,
Весенние ветры трубят.
Мой город шахтерский,
Любимый мой город,
Я песню пою про тебя.*

*Я верю, я знаю,
Совсем не случайно
Мы связаны общей судьбой,
Мы стали взрослее
И шире плечами
В последние годы с тобой.*

*Я знаю, тебе
Я обязан во многом,
Спасибо за дружбу твою,
За то, что ведешь
По весенним дорогам
Ты звонкую юность мою.*

Где она теперь, та звонкая юность! А песня вот живет. Музыка написал композитор Федор Мартынов. Исполнил Вла-

димир Трошин. И сейчас каждое утро, в семь часов, вы слышите музыкальные позывные Кемеровского радио. Это к вам в квартиры врывается сообщение: «Над Томью плывут соловьиные зори». Именно эта строка стала первопричиной популярной мелодии. Завидная судьба литературного произведения.

Аля меня именно с площадью Пушкина связано стихотворение Евгения Буравлева, задуманное в те годы, когда он руководил Кемеровской писательской организацией и проводил первые Пушкинские праздники на заполненной кемеровчанами площади, которая в таких случаях была радиофицирована.

*А вы смогли б, свободно, просто,
Без лани веяням времен,
Свои стихи прочесть с помоста,
Где Стенька Разин был казнен?
* * * * **

*Смогли б такие, чтоб от сердца —
От первой строчки до конца, —
Чтоб обратить в единоверцев
На всей святой Руси сердца?*

*Такие, чтобы не в угоду
Ни тем, кто судьбами вершил,
Ни тем, кто в трудный час народа
Лишь пол ногами мельтешил?
Смогли б?.. Добро.
Но прежде взвесьте,
Достанет ли ума и сил:
Ведь это здесь, на этом месте —
Начало правды на Руси.
* * * * **

*Ну, кто из вас предельно честен?
Готов ли он, как на суду,
Прочесть стихи на лобном месте,
У всей России на виду?*

И Буравлеву откликнулся Игорь Киселев, самый солнечный из сибирских поэтов, своим пушкинским циклом, написанным после поездки в Михайловское.

*Сквозь дымку песен и сказаний
В глаза взгляните нам, в глаза!
Мы что, по-вашему, не знали,
Что уничтожит нас гроза?
Что хмель свободы, хмель отваги
Нас не спасет, не охранит,
Что наши тоненькие шпаги —
Соломинками о гранит?*

Летописей нашего города Иван Алексеевич Балибалов тоже обитал здесь, в пятиэтажном доме рядом с площадью, на Набережной Томи. Здесь вырастил двух дочерей. Старшая дочь — Диана Ивановна Балибалова живет сейчас в Санкт-Петербурге, последние годы работала проректором Международного института «Женщина и управление», возглавляет районный совет Всероссийской общественно-патриотической организации (движения) «Духовное наследие», которая объединяет работников образования, науки, культуры и предпринимательства.

Научный работник областного музея, историк Любовь Федоровна Кузнецова попросила Диану Ивановну рассказать все, что она помнит о площади Пушкина пятидесятых годов. И дочь кемеровского летописца сделала это в письме подробно, обстоятельно, понимая, что этими подробностями как бы продолжает книгу о Кемерове, над которой всю жизнь работал ее отец.

«Дело в том, — пишет Балибалова, — что было открытие двух памятников Пуш-

кину. Один — это было в 1949 году — представлял из себя бюст на невысоком постаменте, и он стоял у входа в сквер, там, где сейчас площадь Пушкина. А самой площади тогда не было. Была улица Орджоникидзе, на которой еще не было многих кирпичных зданий, а были деревянные. Не было здания, где аптека, не было здания «Гипрошахта», не было здания горисполкома, строились жилые дома, в том числе и тот, где магазин «Мелодия».

Перед нашим домом вместо «Гипрошахта» был сквер, в центре его стояла статуя шахтера с отбойным молотком, а через дорогу начинался сквер, у входа в который и был поставлен бюст Пушкину в честь 150-летия со дня его рождения. Сквер был вытянут по длине улицы, он был огражден деревянным штакетником, высотой примерно в 1 метр, планки прибиты в виде ромбов. Мы, дети, лазали через этот штакетник, потом там ломались планки, так мы лезли в эти дыры.

Бюст был покрашен известью белого с бирюзовым оттенком цвета. Постамент тоже был белый. Там были цветочные клумбы — рос львиный зев, бархотка. Вдоль сквера были скамейки, кусты шиповника, акации. Деревьев не было, а если были, то невысокие. Сквер этот был вскоре изменен, так как начали застраивать и формировать площадь, которая стала потом главной в городе, на ней стояла трибуна и проводились демонстрации.

В 1954 году осенью состоялось открытие нынешнего памятника Пушкину и площади его имени. Я при этом присутствовала, хорошо помню. Нас в тот год соединили в обучении с мальчиками, до этого мы, девочки, учились в женской школе № 41 по

улице Ермака (где сейчас корпус университета), а мальчики учились в мужской школе №1 на ул. Н. Островского. И вот в тот день я — уже ученица школы № 1, 7-й класс «А» — пришла вместе со всеми школьниками Центрального района на митинг в честь открытия памятника Пушкину. Было много народу, но площадь еще не была закончена, она была посыпана галькой, памятник стоял закрытый полотном, потом его открыли. Выступали руководители города. Читали стихи.

Но только через два-три года памятник был поднят на насыпанную платформу, оформлена площадь, как сейчас».

6 ноября 1954 года я был первокурсником Томского университета и на открытии памятника Пушкину не присутствовал. Но это дело поправимое. Вместе с вами, дорогие читатели, мы сделаем это сейчас. Тем более, что фотокорреспондент, по нашим сведениям, это Петр Костюков, подарил нам остановленное мгновение — снимок митинга возле памятника. Он хранится у работника краеведческого музея Людмилы Николаевны Винчиной. Она же — хорошо нам знакомая поэтесса Людмила Заикина, которая была участником многих литературных объединений, публикаций, сборников.

Итак, большая фотография площади, заполненной народом. Кемеровчане пятидесятых годов одеты просто и тепло. В те времена осень и зима были более суровыми. В октябрьский праздник как раз начал работать каток. И река почти замерзала. Крупным планом затылки и спины. Кто-то в ватнике, кто-то в кожаном пальто. Кто-то в шапке, кто-то в кепке. В шляпе только один, и тот какой-то низкорос-

лый. Много солдатских бушлатов и офицерских шинелей.

Все женщины в платках и шалях. Но вот есть одна в берете. К ней повернулся подросток сияющим, смеющимся лицом, что-то рассказывает. Перед памятником, с которого еще не сняли полотно, человек десять — одеты тоже просто, но сняли шапки. Должно быть, руководители митинга. В отдалении, видимо, дирижер военного духового оркестра, он поднял руку, чтобы дать знак музыкантам, которые в кадр не попали.

Лицами к нам множество людей, полосой от самой Набережной и куда-то вглубь города. Деревьев практически нет. Лишь чахлые деревца возле дома, где аптека. Длинная деревянная трибуна (помнится, она была окрашена в красный цвет) в данный момент пуста. Над ней панно с портретами руководителей государства. Ленин и Сталин, крупнее остальных, по обе стороны от герба Советского Союза. В то время они еще вместе лежали в Мавзолее. Среди руководителей можно узнать Косыгина, Маленкова, Ворошилова, Кагановича, Хрущева, Шверника, Булганина, Молотова. Берии уже нет. Через всю трибуну лозунг-здравица в честь 37-й годовщины Октябрьской революции.

Людмила Николаевна приносит из каких-то хранилищ еще одну увеличенную фотографию митинга. Это уже следующее мгновение: полотно с памятника не снимается, какая-то веревочка запуталась. Люди оживлены, смеются, разговаривают. Дирижер оркестра с поднятой рукой нетерпеливо оглядывается. Рассказывают, что руководитель коммунального хозяйства города полез распутывать веревочку.

Он тоже носил бакенбарды, и его лицо появилось в прорези полотна, что вызвало восторг площади. Что ж, Пушкин был озорным человеком.

Ну, а теперь — главное. Перед нами расшифрованный микрофонный материал редакции общественно-политических передач областного радио. Я посмотрел и ахнул. Участники митинга, в основном, мои старые добрые знакомые. Ну, например, ведет передачу известный радиожурналист Михаил Ялин. Из той славной плеяды, где Василий Дятлов, Виталий Галдаев, Иван Сокол, Илья Мякишев, будущие известные писатели Александр Волошин, Михаил Небогатое, позднее Владимир Коньков. Многие из них — фронтовики. А Петр Михайлович Попов, многолетний руководитель областного радио, был, рассказывают, советским разведчиком (радиостом) в Германии все годы Великой Отечественной войны.

Миша Ялин говорит:

— Наш микрофон установлен на площади имени Пушкина. Сегодня, 6 ноября, здесь открывается памятник великому сыну русского народа, гениальному писателю Александру Сергеевичу Пушкину. На торжественное открытие памятника собралось несколько тысяч трудящихся областного центра. Пришли представители советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, рабочие заводов и фабрик, студенты, учащиеся школ и ремесленных училищ. Многие из них в знак любви к великому поэту принесли огромные венки, живые цветы.

Михаил Ялин представляет председателя Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся товарища Шунько, в

речи которого нам интересен такой акцент: «Голос поэта во всей своей могучей силе слышен и в наши дни. Мы сейчас обращаемся к нему, как к нашему современнику».

Главное слово о Пушкине говорит очень близкий мне человек — преподаватель литературы областной партийной школы Анатолий Иванович Кыков. Дело в том, что я выросал в учительской семье. А кемеровские учителя — это такая среда, где все друг друга знают. Имя Анатолия Ивановича Кыкова часто называлось моими родителями. В свою очередь, многие кемеровчане знают моих родителей — учителей Евлампия Гавриловича и Ксению Трофимовну. У них учились известные журналисты Павел Антипов, Марат Шагиахметов, Юрий Котляров, заслуженная артистка Галина Николаевна Кузнецова, ныне здравствующий первый профессиональный художник Кузбасса, почетный гражданин области Павел Афанасьевич Чернов и многие другие. Последние годы жизни Анатолий Иванович Кыков был директором издательства "Кузбасс", а я в это время работал ответственным секретарем редакции. Так что мы стали к тому же сослуживцами.

Кыков говорит о Пушкине:

«Затаив дыхание, его чудесные сказки слушает ребенок, еще не умеющий читать. Школьник заучивает наизусть дивные стихотворения и прозаические отрывки и помнит их всю жизнь. С благоговением перелистывает страницы пушкинского тома убеленный сединами старец».

Слово предоставляется ученице 10-го класса школы № 41 Лидии Малючковой. Надо же, я и ее знаю! Жила на Красной

Горке по соседству со мной. Ее образ прочно соединился в моем сознании с известными стихами Ярослава Смелякова «Хорошая девочка Лида»:

*В оконном стекле отражаясь,
По миру идет не спеша
Хорошая девочка Лида.
Да чем же она хороша?
Спросите об этом мальчишку,
Что в ломе напротив живет...*

Хорошая девочка Лида с ходу заявила участникам митинга: «Пушкин верил, что взойдет звезда пленительного счастья». И прочла огромное количество стихов — пушкинских, Джамбула Джамбаева, подозреваю, что своих, и закончила под бурные аплодисменты стихами Александра Безыменского.

Просто и с достоинством говорит наладчик завода «Кузбассэлектромотор» товарищ Шипицин: "Площадь Пушкина в центре нашего города, памятник Пушкину на площади, носящей его имя, это есть выражение любви сибиряков к Александру Сергеевичу» Главный инженер Кемеровского ордена Ленина азотно-тукового завода товарищ Цельм тоже не обошелся без стихов, читал Максима Танка.

И вот кульминация митинга — выступление поэта Алексея Косаря. Рассказывают, что когда почти двухметровая фигура Косаря выросла вблизи невысокого Пушкина, люди начали сравнивать и веселиться. Косарь зачитал вначале эпиграф — пушкинские строки: «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление». Потом читал свои стихи. Теперь они — история:

*Труд наших предков не пропал.
Прошла кандалные остроги
К свободе первая тропа
И в нашу светлую дорогу
Влилась навечно.
Так река*

Рождается из ручейка...

Поскольку мне не хочется покидать этот митинг, хочу еще раз вспомнить о скульпторе, создавшем памятник, — о Манизере Матвее Генриховиче. «Комсомольская правда», которую я мягко покритиковал в предыдущей главе, совершенно справедливо заметила, что на митинге скульптору Манизеру и архитектору Шалашову не воздано должное. Так давайте сделаем это сейчас, дополним остановленное мгновение необходимым ему содержанием.

Матвей Генрихович Манизер (1891-1966) был народным художником СССР, лауреатом нескольких Государственных премий, вице-президентом Академии художеств СССР. Его творческое наследие огромно. Это памятники выдающимся деятелям государства и науки (Ленину, Володарскому, Кирову, Куйбышеву, Менделееву, Бехтереву, Шевченко, Лермонтову, Гоголю, Грибоедову). В 1942 году он создал известную статую Зои Космодемьянской. Кроме этого, занимался декоративной парковой скульптурой, оформлял станции метро и общественные здания. Плодотворна его педагогическая деятельность.

К пушкинской теме Манизер обратился в 1937 году, создал барельеф поэта для обелиска, установленного на месте роковой дуэли. Уже после войны, в 1948 году,

он принял участие в конкурсе на лучший проект памятника Пушкину в Ленинграде. Так началась скульптурная пушкиниана Манизера.

В ленинградском конкурсе победил скульптор М. К. Аникушин, который признавался: «Я хотел, чтобы от памятника, от фигуры Пушкина веяло радостью и солнцем». Пушкин на площади искусств именно таков: в движении головы, в жесте правой руки, в развороте корпуса воплощено, я думаю, пафосное настроение: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!». Хотя в книге «Пушкинские места Ленинграда» авторы склонны соотносить этот памятник со строками: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». Они не правы. Стихотворение «Вновь я посетил» лишено пафоса, оно задумчивое, философское и в чем-то печальное. Давайте почитаем его еще раз:

...На границе

Владений дедовских, на месте том,

Где в гору подымается дорога,

Изрытая дождями, три сосны

Стоят — одна поодаль, две другие

Друг к дружке близко — здесь,

когда их мимо

Я проезжал верхом

при свете лунном,

Знакомым шумом шорох их вершин

Меня приветствовал. По той дороге

Теперь поехал я и пред собою

Увидел их опять. Они все те же,

Все тот же их

знакомый уху шорох —

Но около корней их устарелых

(Где некогда все было пусто, голо)

Теперь младая роща разрослась,

Зеленая семья, кусты теснятся,

*Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему все пусто.*

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я

Увижу твой могучий

поздний возраст...

Наш кемеровский Пушкин, воплотивший эти строки, человечней, доступней, понятней, более соответствует глубине и основательности характера сибиряков.

Воздавая должное скульптору Манизеру, приведу еще одно его высказывание о собственном творчестве:

«Советский художник творит для своего народа.

Его мнение он жаждет услышать.

В одобрении народа находит он себе лучшую награду.

Каждому из нас, художников, знаком тот трепет, с которым он разворачивает «книгу отзывов» на выставке или газету с критической статьей о той же выставке и ищет: что же о его работе в них сказано?

Сколько раз в чужом городе у памятника моей работы я пользовался своим инкогнито, чтобы услышать мнение о нем случайных прохожих! Просто и искренне высказанное в таких обстоятельствах суждение часто дороже похвал «знатоков» искусства».

Кемерово уже никогда не будет «чужим городом» для скульптора Матвея Генриховича Манизера. Созданный им памятник Пушкину формирует среду обитания, архитектурный облик площади и окрестных улиц. Он, несомненно, оказывает вли-

яние на культурную, духовную жизнь кемеровчан, на их мировоззренческий поиск. Я, например, вижу такие направления для развития темы:

Площадь Пушкина и возраст нашего города. В свете пушкинского творчества иначе видятся гипотезы и версии историков.

Площадь Пушкина и возрождение нашего национального самосознания. Я на помню, что после расстрела Белого дома в 1993 году, когда 7 ноября и Первомай стали праздниками опальными, именно площадь Пушкина принимала ветеранов и всех кемеровчан патриотической ориентации для митингов и манифестаций. По силе воздействия на общественное сознание я бы поставил двухсотлетие со дня рождения Пушкина в один ряд с пятидесятилетием победы в Великой Отечественной войне, которое многое изменило в наших отношениях с режимом.

Площадь Пушкина и товарищеский круг, становление Союза писателей Кузбасса. Пятидесятилетний юбилей литературно-художественного альманаха «Огни Кузбасса».

Площадь Пушкина и духовное поле провинции. Творчеству великого поэта посвящены школьные уроки и вузовские лекции, спектакли областного драматического театра и клубная самодеятельность, встречи кузбасских литераторов с читателями. Пять художников — Василий Селиванов, Владимир Сотников, Василий Кравчук, Владимир Доценко, Виктор Ардашкин — организовали в Кемеровском музее изобразительных искусств выставку «Сибирский пейзаж». «Мы этого не афишировали, — говорит Сотников, — но и так ясно, что выставка посвящена пушкинскому юбилею».

Разные по своей творческой манере и темпераменту художники сумели подчеркнуть неизбывность сибирской природы, которая дарит нам себя снова и снова, а вместе с тем возвращает Веру, Надежду, Любовь, оправдывает строки великого поэта, чей памятник стоит на городской площади: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!».

1999 год.

СВЕТ В ЛАДОНЯХ (п о с л е с л о в и е)

1.

Я и раньше в журналистской и литературной практике предпочитал свидетельства из первых уст пересказам и комментариям, которые неизбежно обретают субъективный характер. Теперь, приобретившись на склоне лет к музейному делу, в полной мере оценил документальность факта, достоверность детали, естественность интонации, закономерность и вероятность события. Рисующие Пламя — это дорогие мне люди в монологах и высказываниях, в поступках и письмах, в мечтах и творческих откровениях. Многие из них умерли, но они продолжают разговаривать со мной, с нами. Без их свидетельств невозможно постичь происходящее.

Четверть века назад, осенью 1976 года, Кемеровское книжное издательство отмечало свое тридцатилетие. И директор издательства Виталий Васильевич Банников поручил мне выпустить газету, посвященную этому событию, — настоящую, в двухкрасочном полиграфическом исполнении,